

Е. ВЕРЕЙСКАЯ
ТАНЯ-революционерка
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МАЛЕНЬКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Е. ВЕРЕЙСКАЯ

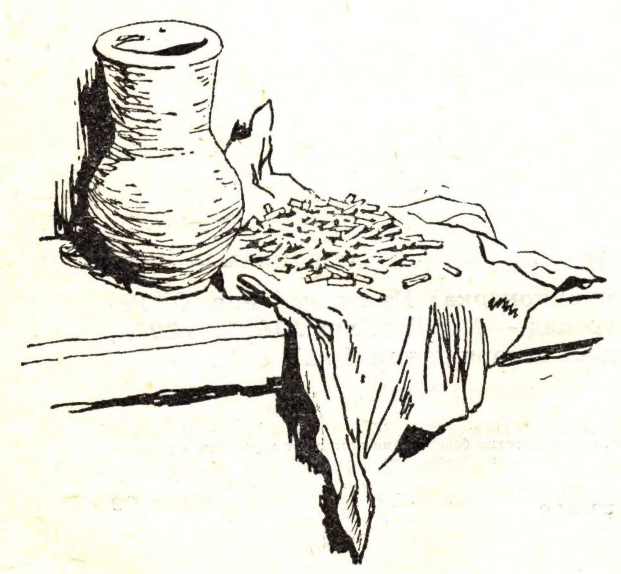
ТАНЯ-революционерка

РАССКАЗЫ

Рисунки О. Верейского

МОСКВА
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"
1981

Р2
В 31

В книгу вошли рассказы: «Таня-революционерка» и «Ласточка».

В центре каждого из них — подростки. Они смело и самоотверженно помогают взрослым — отцам и братьям — в революционной борьбе.

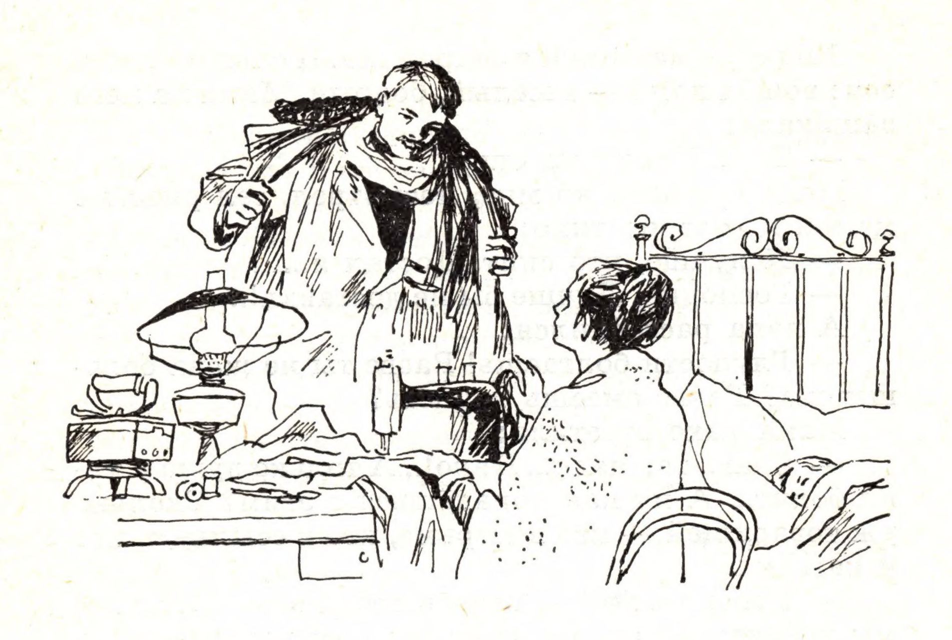
Верейская Е. Н.

В 31 Таня-революционерка: Рассказы/ Рис. О. Верейского.— Переизд.— М.: Дет. лит., 1981.— 32 с., ил.— (Маленькая историческая б-ка).

5 к.

Рассказы о том, как подростки бесстрашно помогают взрослым в революционной борьбе.

В $\frac{70802-556}{М101(03)81}$ 373—82 Р2

ТАНЯ-РЕВОЛЮЦИОНЕРКА

Шёл декабрь тысяча девятьсот пятого года.

Мне было тогда десять лет, но была я такой маленькой и худенькой, что никто мне больше восьми не давал. Мы жили в фабричном районе большого города, в квартире из двух комнат. Отец мой работал в типографии наборщиком, мать была портнихой.

Как сейчас помню тот вечер. Я была простужена, меня знобило, и мама рано уложила меня в постель. Папы не было дома, мама сидела у стола и шила: у неё была спешная работа к завтрашнему дню.

Под стук машинки я задремала. И слышу сквозь сон: вошёл папа — весёлый, бодрый. Мама на него зашикала:

— Тсс... Танюшка спит.

Папа подошёл ко мне, посмотрел, сел рядом с мамой и говорит тихо:

— И лучше, что спит. Достал я...

— Господи!.. Лучше бы не доставал!..

А папа рассердился:

— Глупости болтаешь! Разве ты не жена большевика? Разве смеешь трусить?

Мама тихо ответила:

— Знаю, так надо... Надо!.. А только душа у меня болит... А ну как попадёшься с этим? Сколько уж товарищей — кто в тюрьме, кто в ссылке, а кто и казнён...

— Брось ты это! — перебил её папа.— Коли все мы трусить будем, не добиться нам человеческой, свободной жизни. Так и подохнем рабами. А сейчас знаешь какие события? В Москве народ уже поднялся.

Мама так и ахнула:

— Да ну-у?.. И что же там?

— Вооружённое восстание — вот что там! Баррикады на улицах, бои идут с царскими войсками.

Папа говорил совсем тихо, но я прислушиваюсь затаив дыхание.

— Да и не в одной Москве,— шепчет папа,— и в других городах вооружился народ... Нет у него больше сил терпеть! И у нас решено выступить. Завтра воскресенье, вот и напечатаем прокламацию. Не меньше тысячи. А там товарищи по заводам разнесут.

Мама спрашивает:

— А ты уже видел прокламацию?

— А как же! Здо́рово написана! Зовёт она и наших рабочих идти за московскими рабочими. «Все к оружию, товарищи! Пора,— говорится в ней,— самим добывать себе свободу. Да здравствует вооружённое восстание!» А подписано: «Российская социал-демократическая рабочая партия!» Вот посмотри, что я принёс!

Мама отложила работу в сторону. И я глаза приоткрыла, гляжу. Развязал папа тряпку — посыпался на стол новый, блестящий шрифт.

А я до чего шрифт любила! Лучше игрушек всяких!

Бывало, прибегу к папе в типографию, завтрак принесу да и смотрю, как он работает,— оторваться не могу. Стоит папа перед большим плоским ящиком, а он-то весь на маленькие ящички перегородочками поделён. И в каждом четырёхугольные длинненькие свинцовые кусочки набросаны, «литеры» называются,— много-много!

Сразу посмотреть — будто бы все и одинаковые, а станешь разглядывать ближе — на всех разные буковки. И занятные такие: выпуклые и шиворот-навыворот. Вот в одном ящичке свинцовые кусочки только с буквой «А» лежат, в другом — только с буквой «Б», и так вся азбука.

Стоит папа и составляет их в слова — быстро-быстро, и не уследишь. Вот эти-то буковки все вместе «шрифтом» и называются.

Так вот, высыпал папа шрифт на стол. Блестят буковки, сыплются, шуршат, новенькие, как игрушечки!

Захотелось и мне новенький шрифт посмотреть поближе — да вдруг как вспомнила про Симу, по-

дружку свою, да про весь сегодняшний день... Ох, нет... не до шрифта!.. Снова глаза закрыла, лежу, вспоминаю...

* * *

...Проснулся я нынче утром — и ничего не пойму! За окном, как всегда, ещё темно. На столе керосиновая лампа горит.

— Мама! Что это тихо как? — спрашиваю.— Почему нет гудков?

Мама молчит. Возится с утюгом. А папа ещё в постели. Руки за голову закинул, улыбается.

— Папа! Разве ещё так рано? Чего ты не встаёшь?

— Тихо, говоришь? Гудков нет? — Папа усмехнулся.— Не загудят нынче гудки, Танюша.

Я начинаю догадываться:

— Забастовка, папа?

— Забастовка, дочка.

Когда я прибежала в класс — а училась я в церковноприходской школе,— уже звенел звонок. Гляжу — а Симы, лучшей моей подружки, нет! И Кати нет. И Люды. А Поля с задней парты наклонилась ко мне, шепчет в самое ухо:

— К нам в общежитие нынче ночью полиции набежало — видимо-невидимо! Весь барак перерыли, искали чего-то... Увели многих! Катиного папу и Людиного...

— А... Симы?..

— И Симиного забрали...

А тут входит священник, батюшка. Вошёл туча тучей. Мы все встали. Дежурная молитву прочла.

— Садитесь, чада мои!

Никого вызывать не стал, а начал чего-то говорить, говорить... Да сердится так. А я и не слушаю, всё об Симе думаю... Как же они будут теперь? Мама у Симы больная, не работает. Живут в общежитии, в бараке. Ещё выгонит хозяин.

Только потом, уже в переменку, рассказала мне Поля, про что говорил батюшка. Говорил, что, мол, взбунтовались рабочие, против царя и бога пошли, а бог их за это накажет. А ещё говорил, что, если кто из нас знает, которые из рабочих самые смутьяны, пусть ему, батюшке, всех их назовёт. А бог нас за это наградит и все грехи нам простит.

— Нашёл тоже дур! — фыркнула Поля.

* * *

Шла я домой — и улиц не узнавала. Всегда, как идёшь из школы, из всех фабричных труб дым валит. Кругом грохот, лязг, гудки! Молот где-то у́хает, пилы где-то визжат. А народу-то! Особенно если во время смены проходишь. Толпами идут рабочие. Чёрные, замасленные, закопчённые... Усталые идут, домой спешат.

Иду я по знакомым улицам — не те они, да и только! Торчат трубы заводов как мёртвые. Тихо до того, что даже жутко с непривычки. И народу совсем мало. Проходят рабочие, не спешат. По двое, по трое, негромко разговаривают. Не замасленные, не закопчённые, чистые, будто в воскресенье. А всё-таки на воскресенье почему-то совсем не похоже...

Гляжу, навстречу мне — Сима. Из лавочки хлеб несёт. Идёт бледная, глаза заплаканы. Подошла я к ней, взяла за руку, пошли вместе. Молчу, не знаю, что и сказать... И она молчит.

Казачий разъезд шагом проехал мимо нас. Рабочие у ворот замолчали.

— В школу больше не пойдёшь? — спрашиваю, наконец.

— Боюсь, прогонит батюшка... Да и мама хворает... Мне бы на работу куда... Не возьмут!

Помолчали мы.

Я шепчу совсем тихо:

— Сима, у папы твоего нашли что?

— Нашли. Под матрацем прокламаций штук пять... Знаешь, тех, чтоб бастовать...

Сима всхлипнула.

Завернули за угол. У закрытых заводских ворот стоит небольшая кучка рабочих. Вполголоса между собой о чём-то спорят.

И вдруг где-то совсем близко лошадиные копыта застучали. Сима вздрогнула, ещё ниже опустила голову, сжалась вся.

— Вот они, проклятые! — шепчет.

Казачий разъезд шагом проехал мимо нас. Рабочие у ворот замолчали. Казаки на них и не взглянули. А вот рабочие... так и вижу их лица, как они смотрят вслед разъезду!..

...Лежу я, всё это вспоминаю, уж и не слышу, о чём папа с мамой говорят. А перед глазами — Сима... рабочие... казаки... сердитое лицо батюшки...

Потом всё перемешалось, и я не заметила, как уснула.

Вдруг слышу сквозь сон, будто кто-то мою подушку двигает. Открываю глаза — мама надо мной наклонилась, вся бледная, глаза большие, что-то под подушку суёт. А в соседней комнате шаги тяжёлые топают, голоса мужские...

— Мама,— шепчу,— кто там?

— Обыск, деточка. Полиция. Ты спи, авось тебя не тронут.

Не успела мама подняться, входят двое в комнату. А мама:

— Пожалуйста,— говорит,— тут потише. У нас ребёнок больной.

А грубый голос отвечает:

— Ладно! Чего это у вас все ребята хворают? Куда ни придёшь с обыском, всё ребёнок больной.

Я лежу ни жива́ ни мертва́, глаза закрыла, будто сплю. Из соседней комнаты кто-то кричит:

— Сначала здесь осмотрим. Всех из той комнаты сюда!

— А тут только хозяйка, да ещё ребёнок спит.

— Ребёнок пусть спит, а хозяйку сюда.

Вышли все и дверь затворили.

Открыла я глаза, вся дрожу. На столе лампа горит, ужин со стола не прибран, постели не смяты. Видно, ещё не ложились спать... а за дверью шаги, голоса.

Дух захватило. Ведь не маленькая, понимаю же: найдут на квартире у наборщика шрифт — ясно же, для чего ему шрифт... Плохо будет папе!..

Села на кровати, оглядела комнату. Нигде не видно. Да! А зачем мама у меня под подушкой рылась? Сунула я руку под подушку — и обмерла. Там!.. Крепко завязанный в тряпку, колючий...

Будут искать — и в мою постель полезут. Поля рассказывала, всё, всё перерывают... Нашли же у Симиного отца под матрацем, и у меня найдут... Надо спрятать... скорее...

Но куда?!

Дрожу вся, зубы стучат, оглядываю комнату. Нет укромного места! В печку? Найдут. На шкаф закинуть? Слышно будет, да ещё уроню... Сил не хватит — тяжёлый он!

Сижу на кровати, узел в руках держу, не знаю, что делать! А надо! Знаю — надо! Куда же, куда?

И вдруг осенило меня. Вскочила я, подбежала к столу на цыпочках, заглянула в глиняный кувшин — большой он у нас был. Так и есть, молока в нём ещё порядочно. Перенесла кувшин на подоконник. Стала развязывать узел со шрифтом, руки дрожат, сил нет. Узел крепко затянут. А сама так и жду — вот-вот войдут. Не поддаётся узел. Вцепилась зубами, рванула — развязался! Опустила тряпку одним концом в кувшин. Посыпался шрифт, зашуршал... Так я и застыла... Ничего, ходят там, авось не слышно.

Стало молоко кверху подниматься, тряпку замочило. Разложила тряпку на подоконнике, сыплю горстями, спешу. Поднялось молоко до краёв, а шрифта ещё много. Как быть? Отлить? Руки трясутся, подниму кувшин, расплескаю, догадаются... Оперлась руками о подоконник, подтянулась к краю кувшина, давай молоко отпивать... Глотаю, давлюсь, в горле застревает. Чуть не поперхнулась. Вдруг шаги к двери... Я и дышать перестала... Нет, отошли!

Всыпала ещё две горсти — опять молоко до краёв. Снова отпивать стала.

Ух, всё там, до последней буковки! И молоко снова наравне с краем. Отпила ещё глотка три, тряпку сложила, бросила в раскрытую корзинку, где у мамы лоскуты лежали. Сама — юрк в постель. В голове шумит, словно лечу куда-то вместе с комнатой, нехорошо так...

Долго ли пролежала, не знаю. Слышу, отворяется дверь, вошли все. Мама говорит, а у самой голос дрожит:

— Ребёнка только не троньте, очень больна девочка!

А кто-то отвечает:

— Девочка нам ни к чему. А кровать осмотреть надо. Снимите девочку!

— Нельзя,— мама говорит,— тревожить её...

Слышу, еле говорит, бедная. Так мне её жалко стало. И сказать-то ей нельзя, что шрифта под подушкой уже нет.

Прикрикнул пристав:

— Берите девчонку! Нечего тут!

Подошёл папа. Взял меня на руки, сел на стул. А я притворилась, будто и не чувствую. А у самой сердце выскочить хочет. А у папы руки дрожат.

Слышу, сбросили подушку, роются в постели. Долго шарили.

— Ладно,— говорят,— можете класть.

Положил меня папа осторожно. Незаметно повернулась я так, чтобы лицом к комнате лежать. Самой любопытно посмотреть. Приоткрыла веки, гляжу сквозь ресницы...

Как сейчас вижу: два дворника из соседних домов — понятые. Пристав толстый, усатый, красный. И пуще всего что-то мне его руки запомнились — пальцы короткие, пухлые, как обрубки. Всюду он ими щупал; ходит и щупает по всей комнате, ходит и щупает, пока околоточный с городовыми в вещах роются. И ещё какой-то... шпион, наверное. Этого до сих пор забыть не могу. Всё улыбается, голос сладенький, будто ласковый такой, а у самого глаза, как у лисицы, так и бегают, так и сверлят. И как это он не заметил, что я сквозь ресницы за ним наблюдаю?

Всё перешарили, всюду искали. Папа стоит, молчит, мама на стул в уголку села.

Вдруг вижу — подошёл пристав к окну. Ладонями в подоконник упёрся, наклонился всей своей грузной тушей прямо над моим кувшином... Догадался?.. Нашёл?.. Даже в глазах у меня потемнело...

А пристав сердито выругался вполголоса:

— Черти! Ходи тут из-за них ночью по пурге! Света божьего за окном не видать! — Повернулся от окна да как прикрикнет на маму: — Ну, чего расселась! Убери со стола, протокол буду писать.

Мама встала, тряпкой стол вытерла. Сел пристав протокол писать.

«Ой,— думаю,— что же он такое пишет?»

А дальше я не помню, не то заснула, не то в забытьи лежала. Очнулась, как от толчка. Открыла глаза, гляжу — за окном светает. Мама у лампы сидит, шьёт. А посреди комнаты стоит папа.

Вспомнила я всё, чуть не закричала от радости. Цел папа!

Мама говорит:

— Да что я, с ума, что ли, сошла? Как же это не помнить? Говорю — своими руками Танюшке под подушку сунула.

Пожал папа плечами.

— Чудно́,— говорит,— как в воду канул!

Не выдержала я, как расхохочусь да как закричу:

— Не в воду, папа! В молоко!

Вздрогнули оба. Посмотрел на меня папа:

— Что она? Бредит?

А я одеяло сбросила, села на кровати, сама от

Всё перешарили, всюду искали. Папа стоит, молчит, мама на стул в уголку села.

радости и заговорить не могу. И пришло мне вдруг на память.

— Слушай, папа,— говорю я, а сама смеюсь,— я недавно такую сказку читала: жили старички, муж да жена, а у них кувшин волшебный был. Они молоко пьют, а он всё полный... Так и у вас с мамой!

Смекнул папа, оглядел комнату. Бросился к окну, взял кувшин в руки.

— Танюшка,— говорит,— это ты его сюда?

Я только головой кивнула.

Мама всплеснула руками да как заплачет:

— Умница ты наша, папу своего спасла!

А папа поставил кувшин обратно на окно, подошёл ко мне, взял меня молча на руки, поднял, прижал к себе и понёс по комнате. Сам молчит, только меня всё крепче к сердцу прижимает.

Остановился да и говорит тихо так:

— Ну и дочка у меня! Настоящая из тебя революционерка выйдет. Не растерялась!

— Как это так,— говорю,— «выйдет»?! Разве я уже не революционерка?!

Засмеялся папа.

— Верно,— говорит,— и твоя капля уже в общем деле есть.

И болел же у меня живот наутро! Ещё бы — больная, а столько молока залпом выпила!

Это ничего. А вот одно досадно мне было — нельзя подругам в школе рассказать. Хорошо знала — конспирация. Значит, тайна, секрет.

* * *

В сумерки папа рассыпал шрифт по всем карманам и — как будто с пустыми руками — ушёл из дому.

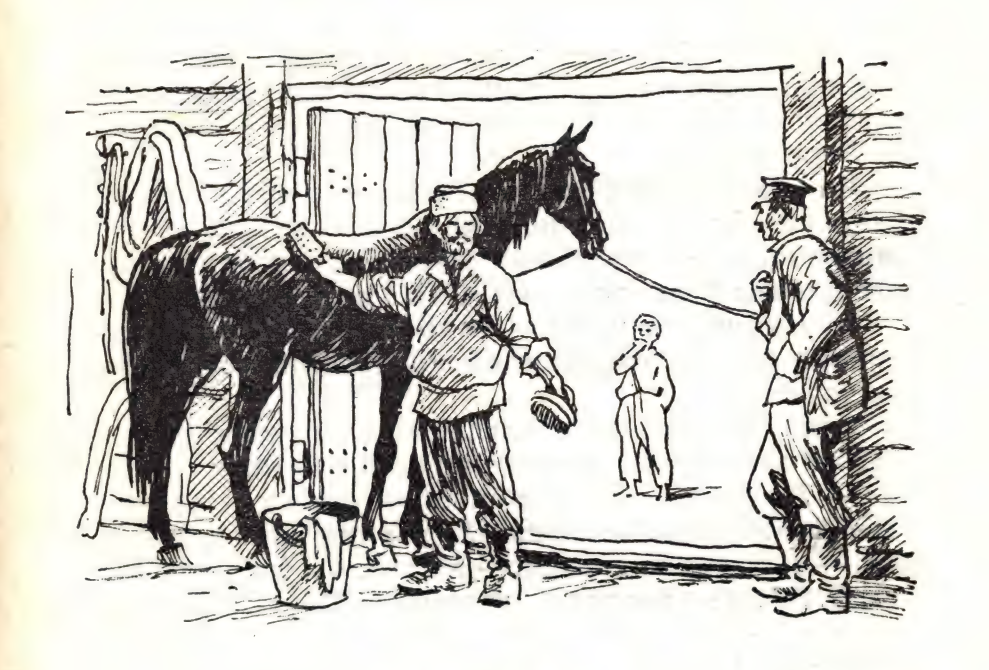
Ждали мы его с мамой — ни живы ни мёртвы... У меня из головы не выходили Сима и её отец. А ну как и папа...

Вернулся папа поздно вечером. Мы обе так и бросились к нему.

— Чего вы, глупые? — засмеялся он и обнял нас.— Всё в порядке!

Через несколько дней в городе началось вооружённое восстание.

ЛАСТОЧКА

Усадьба помещика и фабриканта Рыжова отстояла от его фабрики всего на полтора километра, но хозяин не привык ходить пешком. Утром кучер Григорий отвозил его на фабрику в удобной коляске, а к вечеру приезжал за ним.

Лошадей у Рыжова было много, но ездил он только на своей любимице — вороной, тонконогой и горячей Ласточке.

Однажды — это было летом 1907 года — кучер Григорий чистил в дверях конюшни Ласточку. Кобылица нетерпеливо перебирала ногами, но два ремня, протянутые с двух сторон от недоуздка к притолокам двери, держали её на месте.

Сынишка Григория, восьмилетний Гришутка, бегал во дворе и вдруг увидел возле конюшни дядю Серёжу — старого дружка отца, рабочего с фабрики Рыжова.

Из разговоров старших Гришутка знал, что на фабрике забастовка и полиция уже арестовала «зачинщиков». Он подбежал поближе, чтобы послушать, о чём будет говорить отец с дядей Серёжей.

— Какие новости? — тихо спросил отец, продолжая водить скребницей по лоснящейся спине Ласточки.

Дядя Серёжа огляделся, зашёл в конюшню и стал за дверью, чтоб его не видели со двора.

— Бастуем,— сказал он так же тихо,— человеческой жизни добиваемся! Управляющего и мастеров — тех, что не с нами,— на тачке с фабрики вывезли. Сами — ворота на запор! — Дядя Серёжа засмеялся.— На свою голову обнёс хозяин фабрику заборищем! Да ещё гвоздей сверху понатыкал! Поди достань нас теперь!

— Та-ак,— ещё тише произнёс отец и, помолчав, сказал: — Слышал я, хозяин грозил: если не прекратите забастовку, завтра к вечеру казаков на фабрику пригонят.

— Того и ждём,—прошептал Сергей,—и ружей на такой случай запасли, да только...

Но тут Григорий вдруг увидел сынишку.

— А ну-ко, Григорий Григорьевич, нечего тебе тут делать, ступай-ко, ступай!

Гришутка нехотя отошёл, но, только отец отвернулся, снова на цыпочках подкрался к двери.

— Хозяин сам их вам привезёт. Сам! Понятно? — говорил отец.

— Как так? — удивлённо спросил Сергей.

— Увидишь. Чуть стемнеет, неси сюда весь запас.

Они ещё пошептались недолго.

— Ну,— весело сказал дядя Серёжа,— если выйдет дело, зададим же мы перцу и хозяину и полиции!

Гришутка из всего этого разговора понял только одно: рабочие зададут перцу полиции! Забыв об отце, он на радостях сунул два пальца в рот и свистнул. Только на днях научили его деревенские ребята так лихо свистеть!

И тут как взовьётся на дыбы испуганная свистом Ласточка! Один из ремней оборвался, Ласточка бросилась боком из конюшни, Григорий едва успел её схватить под уздцы и всей тяжестью тела повис на недоуздке. Ласточка храпела, била ногами, косилась горящим чёрным глазом на остолбеневшего от испуга Гришутку.

— Ну-ну, глупая! Ну, чего вообразила! Дурака мальчишки испугалась! — успокаивал её Григорий, ласково гладя ладонью по крутой шее.— Нервная! — с восхищением сказал он Сергею.— Да зато умница! Порядок знает. Мне и править ею не надо. Как вылетит со двора — да одним духом до фабрики. Влетит в фабричные ворота — я и вожжами не шевельну,— встанет сама перед дверью конторы как вкопанная!.. Отцепи-ко ремень, введу её в стойло.

Дядя Серёжа взял Ласточку под уздцы с другой стороны. Дрожа всем телом и раздувая ноздри, кобылица продолжала плясать, пока её вели в денник.

Гришутка, полуоткрыв рот, всё стоял на месте.

— А-а, ты ещё тут? — увидел его отец, выходя из конюшни.— Будешь мне лошадей пугать! Уши

оборву, пострелёнок! — И он двинулся было на Гришутку, но тот увернулся и вмиг исчез за углом конюшни.

Отцу, когда сердит, лучше под руку не попадаться! Где бы спрятаться? Да так, чтобы папка не нашёл, пока у него сердце не отойдёт. Домой идти нельзя...

Гришутка незаметно скользнул в приоткрытую дверь каретного сарая, залез под коляску и притаился. Поди-ка найди! Он свернулся калачиком на холодном, шершавом полу и скоро задремал, а когда открыл глаза, было уже совсем темно.

Дрожа всем телом от озноба, он поднял голову и прислушался. Где-то близко раздавались шаги и совсем тихие голоса. Дверь скрипнула приотворясь. Вошли двое и направились прямо к коляске. Гришутка весь сжался на полу — ни жив ни мёртв,— стараясь не дышать...

— Вот эта,—услышал он голос отца.—Поднять сиденье, под ним ящик. Туда и положим.

— Ловко придумал! — отвечал другой вошедший, и Гришутка узнал голос дяди Серёжи.—Только, Гриша, смотри не попадись! А то и нас не выручишь, и сам в тюрьме насидишься.

Григорий усмехнулся.

— Чудно́й ты! Неужто хозяин в ящик под сиденьем полезет: на что ему? — Он встал на подножку и поднял мягкое сиденье: — Клади!

Дядя Серёжа обошёл вокруг коляски, встал на другую подножку, и что-то очень тяжёлое стукнуло о дно ящика под сиденьем прямо над головой Гришутки. Звякнули рессоры.

— Вот и ладно. Дойдёт к вам в целости, а уж достать — ваше дело,— сказал отец, и оба вышли.

Фу, пронесло! Гришутка с облегчением вздохнул. Теперь его заедало любопытство. Что спрятали они под сиденьем?

Гришутка осторожно вылез из-под коляски, встал на подножку и, натужась, приподнял сиденье. Сунул под него руку, и пальцы наткнулись на неотёсанную крышку деревянного ящика. Попробовал сдвинуть. Ого, какой тяжёлый, не поддаётся!

Он опустил сиденье и скрепя сердце побрёл домой. Нагорит от папки!.. Но дома всё обошлось без шума. Мать хлопотала у печки. Отец не сказал ни слова. Лицо его было сурово и озабоченно. Забыл, видно, про Гришуткины уши!..

* * *

Утром, проснувшись, Гришутка натянул штанишки, поплескался у рукомойника и выбежал во двор.

Это был обширный, покрытый зелёной травкой так называемый «красный двор» помещичьей усадьбы. В глубине его стоял двухэтажный господский дом, а за ним виднелись деревья старинного парка. Кругом двора располагались «службы»: ледник, сараи, амбары, конюшня и избы, где жили работники усадьбы.

И, как всегда, в это утро у широкого парадного крыльца господского дома Гришутка увидел запряжённую в коляску Ласточку. На козлах сидел в нарядном кучерском кафтане отец с вожжами в руках и ожидал хозяина. Мальчик знал: вот сейчас выйдет хозяин на крыльцо, за ним, позёвывая, выйдет хозяйка в широченном пёстром капоте; хозяин вскочит в коляску и сердито скажет:

— А ну, пошёл!

Ласточка рванёт с места и, широко выбрасывая тонкие, стройные ноги, крупной рысью понесёт коляску в настежь раскрытые ворота в том конце двора. А хозяйка будет стоять на крыльце и махать вслед кружевным платочком. Сколько себя помнит, каждое утро наблюдал Гришутка эту картину.

Но сегодня всё вышло по-иному. Правда, хозяин с хозяйкой появились на крыльце, но хозяйка была одета, видно, в дальнюю дорогу и несла в руке саквояжик. Лицо её было хмуро и заплакано. Вслед за ними вышел на крыльцо лакей с двумя чемоданами в руках.

Гришутка увидел, как папка с беспокойством оглянулся на крыльцо. А хозяин сошёл с лестницы и приблизился к кучеру.

— Сегодня на фабрику не еду,— резко сказал он.— Пусть прекратят забастовку. А не прекратят, я им покажу, как бунтовать!.. Отвезёшь, Григорий, сейчас барыню в город к её мамаше...

Гришутка смотрел на отца. Лицо папки было спокойно, но чуть побледнело.

— А Ласточка? А коляска? — спросил кучер.

— Останешься пока в городе, будешь ждать. Как расправлюсь с бунтовщиками, дам тебе знать; привезёшь барыню обратно.—И, обернувшись к лакею, Рыжов приказал: — А ты, Василий, поставь пока чемоданы, беги наверх, мелкие вещи принеси. Положишь их в ящик под сиденьем.

Он не спеша вернулся на крыльцо и заговорил с хозяйкой.

Гришутка снова взглянул на отца, и вдруг ему стало страшно — он сам не понимал почему. Папка смотрел на него в упор и как-то странно одним глазом подмигивал ему, сложив губы дудочкой.

Ласточка дико рванулась с места.

— Чего ты? — оторопело пробормотал Гришутка.

Намотав вожжи на левую руку и сдерживая ими Ласточку, Григорий соскочил на землю и стал возиться у сиденья коляски.

— Ишь ты, не приподнять никак,— с досадой сказал он хозяину,— забухло сиденье-то, видно!

Он повернул к сынишке бледное как полотно лицо и снова подмигнул ему и вытянул губы дудочкой.

И тут Гришутка вспомнил!.. Вспомнил всё, что было вчера! «Попадёшься — насидишься в тюрьме...» — словно услышал он голос дяди Серёжи. Ящик под сиденьем!.. А с лестницы уже бежал с вещами Василий.

Какой-то буйный восторг залил вдруг всё Гришуткино существо — он понял папку! И, сунув два пальца в рот, он свистнул так пронзительно, как ему ещё ни разу не удавалось свистнуть.

Ласточка дико рванулась с места.

— Стой!.. Стой!..— закричал Григорий, падая. Вожжи тащили, волокли его по дороге, но шага через три он выпустил их из рук, а сам остался лежать у ног остолбеневшего Гришутки.

Ласточка карьером вынеслась в раскрытые ворота.

На крыльце истошно вопила хозяйка, что-то кричал лакей Василий; Григорий с трудом поднимался с земли.

— Чего стоишь?! Бери Копчика, скачи, догоняй! — кричал ему хозяин.

Гришутка растерянно оглянулся — лакей Василий бежал к нему. Гришутка как зачарованный стоял на месте и смотрел на отца. Тот, сильно хро-

мая, бежал к конюшне, и снова глаза отца и сына встретились. И на этот раз оба, не произнеся ни звука, поняли друг друга.

«Не выдавай!» — требовали глаза отца.

«Не выдам!» — ответили глаза сына.

* * *

Ласточка, обезумев от ужаса, вынеслась за ворота и помчалась карьером по дороге, вся в мыле, с раздувающимися ноздрями, с заложенными назад ушами. Но, не слыша за собой погони и нового свиста, она понемногу успокоилась и постепенно перешла с карьера на свою обычную размашистую рысь.

Ещё издали увидел её с вышки над забором фабричный сторож. Он сбежал вниз и широко распахнул ворота. И когда Ласточка влетела во двор, он сразу же захлопнул их и запер на все засовы. Лошадь привычно остановилась у подъезда конторы. Изумлённые рабочие обступили коляску. Что это значит? Почему Ласточка прибежала одна?

Но теряться в догадках было некогда. Подошёл Сергей, поднял сиденье, достал небольшой, очень тяжёлый ящик и вскрыл его.

В ящике были патроны.

— Подходи по очереди,— скомандовал он.— Раздавать буду.

В эту минуту сторож крикнул с вышки:

— Григорий скачет вдогонку!

И перед Григорием гостеприимно распахнулись ворота — и снова наглухо закрылись. Григорий соскочил с Копчика, привязал его к коляске сзади и взобрался на козлы.

— Что же ответите хозяину, братцы? — спро-

сил он, заворачивая Ласточку к воротам.— Требует прекратить забастовку.

— А то и скажи ему,— наперебой заговорили рабочие,— будем бастовать, покамест арестованных не выпустят... пока уволенных обратно не примет... Управляющего пусть к чёрту гонит! Штрафы пусть отменит!..

— Ясно,— сказал Григорий,— стало быть, вечером ждите казаков в гости.

— А милости просим!.. Сумеем встретить!..

Распахнулись ворота, Ласточка стрелой вылетела на дорогу, и снова загремели на воротах изнутри тяжёлые засовы.

* * *

Тем временем Гришутка стоял перед хозяином. Рыжов сидел на крыльце, держа Гришутку за плечи, и крепко сжимал своими коленями его тоненькие коленки.

— Зачем свистнул, говори! Или, может быть, научил кто, а? Говори, иначе несдобровать! — строго допрашивал хозяин.

Гришутка смотрел прямо в его холодные глаза. У, какой злой, страшный!.. Но всё равно — папку выдать нельзя!

— Ребята... деревенские... свистеть научили,— робко пролепетал он.

— Да я не про то, дурак! Около Ласточки зачем свистнул? Подучил кто?

— Никто не подучил... я сам...

— А зачем?! Говори, зачем?

И вдруг, неожиданно для самого себя, Гришутка догадался, ка́к сказать.

— А ни за чем... У меня всё не выходило... ребята учили, учили... я пробовал, пробовал, всё не выходит... а тут вдруг и вышло... я же не нарочно...

— Врёшь, не проведёшь! — заорал Рыжов.— Рабочие подучили, чтоб сегодня на фабрику не приехал! Называй, кто именно!

Но Гришутка твёрдо стоял на своём: не выходило, а тут вдруг вышло!.. Он весь дрожал, голова его кружилась всё сильней, он говорил заикаясь, но сердце его ликовало: не догадывается хозяин! Не посадят папку в тюрьму!

— А ну-ко, пойдём! Заговоришь ты у меня! — И хозяин поволок Гришутку в дом. Ухмыляющийся лакей Василий шёл за ними.

В гостиной полулежала в кресле хозяйка и стонала. Горничная Глаша растирала ей виски чем-то пахучим. Рыжов протащил мимо них Гришутку и втолкнул в свой кабинет.

— А ну, Василий, развяжи ему язык! — приказал он и вышел в гостиную.

— Скажешь, парнишка,— зашептал вкрадчиво и ласково на ухо Гришутке Василий,— пальцем тебя не трону и пряников дам. Вкусные у меня пряники! Ты мне только скажи: кто научил? Имя назови! Ну? Имя!

— Никто не подучил... Не выходило... а вдруг вышло,— упрямо твердил Гришутка.

— Ладно же! Небось сейчас заговоришь!

И не успел Гришутка опомниться, как его голова оказалась крепко зажатой между коленками Василия. В ушах зашумело, стало страшно — ведь дома его никогда не пороли... После первого же хлёсткого удара Гришутка громко заревел, не столько от боли, сколько от обиды.

— Ну,— жёстко сказал Василий, ещё туже сжав коленями голову Гришутке,— говори, кто подучил? Имя?

— Не... вы... ходило... а тут вышло...— захлёбываясь плачем, бормотал Гришутка.

— Ну, брат, не взыщи, придётся ещё наддать,— сказал Василий.

У Гришутки потемнело в глазах, но тут чьи-то сильные руки вырвали его у Василия.

— Не смей! У, изверг! Господский прихвостень! — услышал он над собой горячий шёпот горничной Глаши.— Не видишь, ребёнок чуть не без памяти! — Она подхватила Гришутку на руки и быстро двинулась к другой двери из кабинета.— Пойдём, я тебя чёрным ходом к мамке снесу... У, ироды проклятые, погоди же!..

Это было последнее, что услыхал Гришутка. Он и в самом деле потерял сознание.

* * *

Хозяйка ехать в город на «сумасшедшей» Ласточке отказалась. Её увезли на другой лошади.

А на Ласточке Григорий в тот же вечер повёз хозяина на фабрику. Рыжов ехал не один. Рядом с ним сидел в коляске казачий офицер. Его сотня скакала сзади на почтительном расстоянии.

Офицер говорил без умолку. Григорий не пропустил мимо ушей ни одного его слова.

А тот хвастался:

— Я, ваше степенство, с этими бунтовщиками в два счёта справлюсь, не впервой. Мои казаки — орлы! В нынешнем году, извольте знать, по всей губернии мужики бунтуют. Сколько усадеб пожгли!

А не дале как вчера в соседней волости у фабриканта Птицына бой был.

— Что-о?! — испуганно переспросил Рыжов.

— Форменный бой! — расхохотался офицер.— Забастовали рабочие. Хозяин меня с сотней вызвал: усмирите! А те не сдаются! Забаррикадировались на фабрике! Пришлось штурмом фабрику брать! Да-с, штурмом. И что бы вы думали! Ружьишек-то у голодранцев нет: защищаться нечем. Так они, прежде чем сдаться, вдребезги фабрику разнесли!.. Ну, уж и было им! Ни один не ушёл! И вашим то же будет!

— Гм... знаете ли, это... не очень меня устраивает...— пробормотал Рыжов и угрюмо замолчал.

— А что? Неужто бунтовщикам уступите? — полюбопытствовал офицер.

Рыжов не ответил. Он мучительно прикидывал в уме: как быть?.. Конечно, бунтовщиков постреляют, засадят в тюрьмы, выпорют... Ведь восстания в конце концов везде подавляются... Но усадьбы-то уж сгорели!.. Но Птицыну-то придётся фабрику заново оборудовать!..

А офицер всё продолжал хвастаться и убеждать Рыжова не уступать забастовщикам.

Подкатили к фабрике. Её дубовые ворота оказались на запоре. На вышке похаживал дежурный патруль — двое старых рабочих. Офицер, придерживая саблю, выскочил из коляски. За ним вышел и Рыжов. Григорий отъехал чуть в сторонку.

Офицер приказал сдаваться. За воротами раздался сдержанный гул и стих. Старики спокойно глядели с вышки.

— Хотите быть взятыми штурмом? — зло и весело крикнул офицер.

— Берите штурмом! — загудела толпа за воротами.— Терять нам нечего!.. Мы будем отстреливаться!..

Сзади с цокотом подоспела казачья сотня.

Рыжов схватил офицера за локоть.

— Ваше благородие,— зашептал он ему на ухо,— донесли мне верные люди: есть у них оружие, а патронов нет! Вы действуйте быстрее, чтоб не успели попортить станки! — И уже полным голосом Рыжов злорадно крикнул толпе: — Стреляйте, голубчики, стреляйте!

В ответ из-за ворот грянул ружейный залп.

Ласточка взвилась на дыбы, Григорий едва удержал её. Рыжов так и застыл с разинутым ртом.

— Приготовьтесь ломать ворота! — скомандовал офицер казакам.

Те стали соскакивать с коней.

— Стой! Погодите! Погодите! — в ужасе заорал Рыжов.

Он кинулся к воротам и прикрыл их широко расставленными руками. Он уже как бы увидел метнувшуюся к станкам беспощадную в своём гневе толпу... Есть у них патроны!.. Пока одни будут отстреливаться, другие успеют всё разнести!..

— Погодите! — исступлённо кричал Рыжов.— Не сметь! Не дам своего портить!..

Казаки были отосланы. Они ускакали вместе со своим разозлённым офицером. Рыжов согласился на уступки. Рабочие победили!

Когда Григорий вбежал в свою комнатушку, его встретила заплаканная жена.

— Тише!.. Без памяти он... Горит весь...

Гришутка метался на койке и еле внятно бормотал:

— Не выходило... а тут вышло...

Григорий осторожно взял его на руки.

— Сынушка!.. Сыночек!..— шептал он, прижимая мальчика к груди.

Гришутка понемногу утих.

Утром он пришёл в себя и открыл глаза. Мать сидела рядом и шила. Отца в комнате не было. Гришутка долго не мог сообразить, что с ним. Сознание возвращалось медленно.

И постепенно Гришутка вспомнил всё.

— Мама! — позвал он тихо.

Мать вскрикнула от неожиданности да так и бросилась к нему.

— Очнулся! Дитятко! — всхлипывала она, обнимая сынишку.

— Мама!.. Где папка? Не в тюрьме?

— Господь с тобой, что ты,— испуганно прошептала мать.

— А где же он?

— Да повёз хозяина на фабрику.

Гришутка с облегчением вздохнул и сладко потянулся.

— Я спать хочу,— пробормотал он в полузабытьи.

— Ну и спи! Спи, поправляйся, родненький!

Мать бережно укутала его одеялом, и он заснул спокойным, здоровым сном.

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Ваши отзывы об этой книге присылайте по адресу: 125047, Москва, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Для младшего возраста

Верейская Елена Николаевна

ТАНЯ-РЕВОЛЮЦИОНЕРКА

ИБ № 5004

Ответственный редактор
С. П. Мосейчук

Художественный редактор
И. Г. Найдёнова

Технический редактор
М. В. Гагарина

Корректор
Ж. Ю. Румянцева

Сдано в набор 22.04.81. Подписано к печати 09.12.81. Формат $60 \times 84^1/_{16}$. Бум. типогр. № 1. Шрифт школьный. Печать высокая. Усл. печ. л. 1,86. Усл. кр.-отт. 2,33. Уч.-изд. л. 1,31. Тираж 300 000 экз. Заказ № 3574. Цена 5 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот».

5 коп.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
в 1981 году в серии
«Маленькая историческая библиотека»
вышли следующие книги:

О. Гурьян.
МАЛЬЧИК ИЗ ХОЛМОГОР.

М. Коршунов.
РАССКАЗЫ СТАРОГО ШАХТЕРА.